

Алексей Николаевич Гарри — человек романтической, героической, трагической судьбы. Родился в Париже, воевал в гражданскую на Украине рядом со знаменитым Котомским, а его кабриолет, Наблюдательный глаз и фантазерская душа определяли его путь к литературе. Печататься начал с 17-летнего возраста, в 1920-е, а когда перешел в профессиональ, одна за другой стали выходить книги. Особенно «ураганными» был 1934 год: появились «Память об Олпалко», «Полокол мира» и принесший большой успех «Огни» — цикл рассказов об эпохее Григория Котовского. В 30-е годы он стал популярным литератором, печатавшимся в самых массовых центральных изданиях.

И вот ужасное — в расцвете творческих сил 35-летний Гарри был арестован, со стандартным и жутким клеймом «враг народа». В неимоверно тяжелых условиях концлагеря, сопротивляясь унизительному режиму, сохра-

нил он твердость духа, тайком обдумывая будущие книги.

Шестнадцать лет провел Алексей Николаевич в заключении. Выйдя на волю, снова взялся за перо, написал несколько повестей (изданы в 50-е годы), а последние романы «без фаншара» увидел свет уже после его кончины, случившейся в мае 1960 года.

Предлагаемые читателям очерковые заметки Алексея Гарри о Михаиле Васильевиче Фрунзе напечатаны в «Известиях» 30 октября 1935 года, и годовщине смерти командарма, в книжные издания они не включались. Встречающиеся в тексте отточья — авторские, очерк публикуется в первоначальном виде, без сокращений.

М. ЖОХОВ,

член Военно-научного общества при ЦДСА имени М. В. Фрунзе.

ЖИВЫЕ КОМАНДАРИ

Может ли когда-либо изгладиться из памяти этот образ? Никогда...

Вагон. Бог весть кто ездил в нем когда-то: министр, знатный путешественник или просто богатый шноб? Внутренность вагона насыщена нетрагичными и тяжеловесными расейским купеческим шиком. Красное дерево, бронза, пыльные бархатные портьеры. И все это сейчас — ни к чему...

У стола, сняв сапоги и надев мягкие туфли, сидит невысокого роста военный в простом френче. Он пьет чай и читает свежий номер «Правды». Газета напечатана на серооливковой оберточной бумаге, в которую когда-то заворачивали селедки. Свет из под зеленого абажура лампы бросает на газетную страницу яркий блик. Как трогательны в эти дни были эти серые листы бумаги, приходящие на фронт из далекой Москвы.

Тихо в вагоне. На позиции временная передышка, и поэтому здесь ничто не напоминает о фронте. За окном летит пепел уральская ночь. Только громадная стратегическая карта на стене, испещренная разноцветными флажками, говорит о войне, ее одиночные выстрелы, неожиданно разрезающие тишину ночи. В эти дни, в эти годы одиночный ружейный выстрел на фронте и в тылу являлся шумовым фоном наших будней точно так же, как сегодня в буднях Запорожья шумовым фоном является рокот воды в плотине Днепророгса. И когда однажды по какой-нибудь невыспавшейся товарищ в тыловом штабе дивизии встает на рассвете кому-то дождурство, он потянувшись и сказал, надевая фуражку:

— Странная ночь была... Давно такой не припомню... Ни одного выстрела, ей-богу...

Бывший студент Михаил Фрунзе, известный в подполковничью должность командир полковника. Он блестяще ориентировался в обстановке. Он мгновенно охватывал основную стратегическую суть создавшегося на фронте положения. Бывшие офицеры, ставшие командирами Красной Армии, умудренные опытом дореволюционной военной учебы, изумлялись, как этот человек, прошедший почти всю свою сознательную жизнь за тюремной решеткой, постигал тайны военной науки.

Он был бесконечно скромным и прост в обращении, в нем не было ни капелки позы.

Он прекрасно знал психологию массы и понимал, что авторитет полководца создается не заискиванием, а силой совершенно иного порядка.

В нем было очень много личного обаяния. Основная сила этого обаяния заключалась в простоте командарма, в его доступности, в его лучистых глазах, в сияющем свете которых собеседник всегда мог уловить стальную иглу громадной внутренней силы, непримиримой убежденности большевистского полководца.

Он часто выезжал на фронт. Он был равнодушен к огню. Спокойно сидел он в автомобиле или верхом на лошади под пулями, под ружейным и пулеметным огнем. Но в то же время он никогда не рисовался, он просто исполнял свой долг. И потому его пребывание на позициях было настоящим праздником для бойцов. Командарм прибывал на участок боя. Фрунзе здесь, с нами вот он стоит, — в трудные минуты боевой страды звучало гораздо убедительнее, чем сообщение о прибытии подкрепления.

Фрунзе был необычайно человечен сам, и потому ему так доступна была психология масс. Разговаривая с одним из командиров национальной бригады, Михаил Васильевич, улыбувшись, сказал:

— Жаль, что вы без бороды. Работникам национальных частей надо обязательно быть с бородой.

Командир тюркской бригады с недоумением глянул на Фрунзе, — в шутку ли он говорит или всерьез.

— Да-да, — сказал Фрунзе, — вы сами знаете, что в глазах мусульман борода служит признаком мудрости. К бордотому человеку больше уважения и доверия. Борода — это авторитет. Старость ваших шишляков — белобородые старики. Конечно, военным приказом бороду растить не заставляли, но это плохо, когда командир национальной части без бороды. Что борода? Пустяк... А и борода сейчас для нас — кусочек личности...

Командарм необычайно чутко относился к людям. Он был очень скромным к требованиям личной жизни: быта,

он умел незаметно уступить товарищу лучшее место, лучшую постель, лучшую комнату. Особо вышней соображенности высокой политики, загроможденный решениями стратегическими вопросами, он никогда не забывал о нуждах рядового бойца. Очевидец рассказывает следующее...

Два красноармейца, Фисунев и Горленко привезли с фронта пакет в штаб командующего в Ташкент. Они сказали много часов подряд, они запылились и устали. В ушах их стоял все еще треск пулеметной стрельбы и гул орудий, когда они, шатавшись, добрались до командантского штаба.

Командант пакет принял. Он был измучен не меньше, чем сами гонцы. Из пустых монгодневных глаз глядела монгодневная бессонница. Но командант наотрез отказался предоставить гонцам помещенные для отдыха.

— Некуда, — сказал командант, — и так друг у друга на голове сидим... Теснота... Куда вам деваться? А деваться, куда хотите, устраивайтесь сами...

Фисунев и Горленко уныло побрели вниз по лестнице. Их радужные мечты — отдохнуть, покушать, сходить в баню — рассеялись, как дым. А как они мечтали об этом своем пребывании в штабе! Приближаясь к Ташкенту, они даже поговаривали между собой, что, быть может, им удастся повидать самого легендарного Фрунзе...

Кавалеристы, ругаясь, спускались по лестнице. Они кривили команданта нехорошими словами, называли его рьяно и тыловый крысой. Он изливал на него всю лавину и простодушную нена-

вист, которую каждый фронтовик в те дни чувствовал по отношению к работникам тыла.

На-ав поворота, лестница показалась невысокий человек в серой шапке и простой солдатской шинели. Он оглянул кавалеристов быстрым и опытным взглядом и остановился.

— С фронта, ребята? — угадал он безошибочно: — Как там дела?

— Дела веселенькие, — ответили красноармейцы, приободрившись. — Бельх бьем поем зря... Вот пакет привезли!

Ну, добре, добре, — сказал человек в шинели, намереваясь идти дальше, и добавил: — Устали, небось с фронта? Идите отдыхайте...

Отдохнуть тут, — пожаловался Фисунев. — Командант, оканная душа, нету, говорит коек, устраивайтесь, где хоть... А нам бы выспаться охчень следовало...

Человек в шинели задумался, потом сказал просто: — А ну-ка, товарищи, идем со мной.

Они поднялись втроем по лестнице, прошли по коридору. Незнакомец открыл дверь в маленькую комнату, в которой были стол, табуретка, кровать, накрытая серым солдатским одеялом.

— Располагайтесь тут, — сказал незнакомец, — я все равно уезжаю дня на три на фронт. Жаль, что койка одна, да уж вы тут как-нибудь, я думаю, устроитесь.

Фисунев и Горленко тут же завалились спать. Ночью неизвестный человек открыл дверь и, ступая на цыпочках, вошел в комнату. Снял с гвоздя полевую сумку и пошел к двери. Красноармейцы проснулись.

— Спите, спите, — сказал неизвестный человек, — я сейчас уезжаю...

Красноармейцы попросили дать им записку, чтобы их не потревожил командант. Незнакомый человек вынул листок из полевой книжки и черкнул на нем пару слов. Потом он, попрощавшись, вышел. И только утром Горленко, вынув из-под подушки записку с изумлением прочел: «Товарищ командант, эти двое товарищей до их отъезда будут жить в моей комнате, Фрунзе». Да, командант, как говорится, умел брать человека за сердце...

Предпоследняя встреча. Харьков. Все мы любили детей Фрунзе. Комкор Котовский везет его дочери в подарок громадную коробку конфет. Дверь открывает сам Михаил Васильевич. Пока мы раздеваемся и здороваемся, дочь командующего уже завладела коробкой. Она разрезает голубую ленточку перочинным ножом, вытаскивает и кончиком ножа покладывает себе в глаз. Кровь, слезы, переболело...

Михаил Васильевич очень любил свою дочь. Он вообще любил детей. Он был глубоко потрясен происшедшим. Вызвал врачей, ребенок продолжал плакать; первый из прибывших врачей выразил опасение, что зрение в поврежденном глазу потеряно навсегда. Михаил Васильевич стал очень бледен. Мы вышли в соседнюю комнату.

Возмущенный сел к столу и вынул записку книжку.

— Ну давайте, товарищ Котовский, потолкуем. У меня тут записан ряд вопросов...

И случилось невероятное. У железного, несокрушимого Котовского запылали губы. В эту минуту он ни о чем не мог говорить. Так мы и уехали. Рухнул в машину, Котовский разрыдался, как ребенок.

И наконец, последняя встреча... Заунывный вой фабричных гудков. Мокрый снег над Москвой, траурные флаги, вьюги, мерное шествие траурных колонн, отрягший гроб, увитый зелеными лаврами. Печальная дель, болезненные воспоминания...

Титанический образ умершего командарма революцией живет. Он не забудется никогда. Примером своей кристальной чистой жизни, своего громадного мужества, своего необычного сердца он зовет ежедневно и ежедневно всех молодых и старых к новым боям и новым победам.